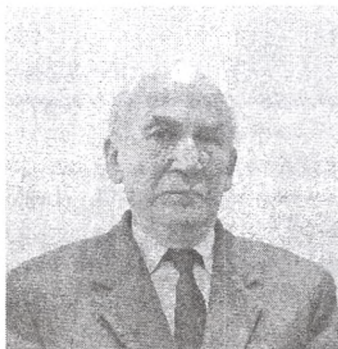

СЕВСКИЕ ПОДПОЛЬЩИКИ

*Крашенинников
Владимир Викторович,*

к.и.н., доцент кафедры
новой и новейшей отечественной
истории и права Брянского
государственного университета
имени академика И.Г. Петровского

На страницах, посвящённых событиям Великой Отечественной войны на Брянщине, почти нет упоминаний о севских подпольщиках. О них, в отличие от сецинских, навлинских, брасовских, комаричских подпольщиков, молчат и обобщающие работы, посвящённые Брянщине в годы войны, и немногочисленные публикации севских краеведов. Например, В.А. Теличко даже не упомянула о севских подпольщиках, лишь сообщила, что в «бывшем здании НКВД, на улице Ленина, были расстреляны и сожжены живыми несколько человек, в том числе партизанки Антонина Пазина, Валентина Ломоносова и другие».

Лишь В.С. Макухин в своей книжечке о Севске уделил севским подпольщикам один небольшой абзац, сказав, к сожалению, инициалы организатора подполья и приведя недостоверные сведения, что «организация была раскрыта и лишь немногим удалось спастись от кровавой расправы».

Большинство исследователей-брянцев не обратило внимание на книгу «Незримого фронта солдаты», подготовленную работниками Орловского областного управления КГБ и изданную в 1971 году в Туле. А ведь среди опубликованных там материалов были и воспоминания М.С. Григорова «Грозные дни», являющиеся основным источником по истории севского подполья.

Максим Сергеевич Григоров, родом из деревни Подлесные Новосёлки, перед войной работал учителем в одной из школ Севского района, после начала немецкой оккупации вступил в партизанский отряд имени Фрунзе, где проявил себя смелым и находчивым разведчиком. В сентябре 1942 года его пригласили в объединённый штаб партизанских отрядов, где ответственный работник

Орловского управления НКВД майор В.А. Засухин предложил М.С. Григорову направиться в Севск и создать там подпольную группу. Наверняка такое задание было обусловлено приказом наркома обороны от 5 сентября 1942 года, где одной из важных ставилась задача «партизанским отрядам, отдельным организациям и диверсантам обязательно проникнуть во все города большие и малые, и широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу». Задачами создаваемой в Севске группы должны были стать: «сбор необходимых партизанам сведений, уничтожение изменников Родины, вывод из строя боевой техники врага, распространение советских газет, листовок и другой литературы, добыча чистых бланков документов, помощь военнопленным и другое».

Получив документы на имя Ивана Петровича Астахова и конспиративное имя «Граф» (им нужно было подписывать все сообщения), а также листовки, мины, гранаты, советские и немецкие деньги, М.С. Григоров добрался до села Марицкий Хутор. Здесь он встретился с хорошо знакомым ему с довоенных лет учителем местной школы Павлом Яковлевичем Волковым и его женой, также учительницей, Прасковьей Ивановной, которые «без лишних слов» согласились помогать М.С. Григорову в его опасной работе.

Оценивая их последующую деятельность, руководитель группы писал: «В своей подпольной работе П.Я. и П.И. Волковы были поистине неутомимыми... Они передали множество ценнейших сведений о расположении и вооружении вражеских войск, о направлениях их движения, о складах с боеприпасами и продовольствием, о настроениях квартировавших в Севске мажарских солдат и многое другое. Они снимали копии приказов и распоряжений фашистской администрации, собирали фашистского толка газетёнки, выходившие на русском языке, составляли списки предателей и изменников Родины...». Волковы приносили в Севск и мины замедленного действия, которые М.С. Григорову через связанных доставляли партизаны. Последнее было особенно опасно, потому что при всех въездах в город были установлены сторожевые посты, осуществлявшие строгую проверку всех направляющихся в Севск лиц и их багажа.

Хозяйками двух конспиративных квартир, использовавшихся М.С. Григоровым в с. Марицкий Хутор, стали Евдокия Ивановна Лазарева и Мария Филипповна Колбасова. Ещё одним надёжным помощником М.С. Григорова в Марицком Хуторе стал Григорий

Михайлович Пономарёв, с 15 лет работавший в местном колхозе, после призыва в армию участвовавший в советско-финской войне, вернувшийся, но вскоре вновь мобилизованный в связи с началом Великой Отечественной войны. Находясь в войсках Центрального фронта, он в августе 1941 года попал в окружение, сумел выйти к своим, но на станции Навля попал под бомбёжку, был ранен в ногу и вновь оказался на занятой врагом территории. Кое как доковылял до родного села, постепенно залечил рану и установил связь с только что созданным партизанским отрядом имени Тельмана, куда и собрался уходить. Услышав предложение М.С. Григорова остаться и занять место старосты в своём селе, Г.М. Пономарёв сначала категорически отказался, но затем, после длительного убеждения, всё-таки дал согласие.

В результате подобной работы не только в Марицком Хуторе, но и в таких селениях, как Рейтаровка, Ивачево, Быки, Подлесные Новосёлки, Светово, Орля, Витичь, Хвощёвка, Лемяшовка, в посёлках Буковище, Десятные, Красная Заря и некоторых других населённых пунктах Севского района к концу 1942 года старостами стали люди, связанные с партизанами и оказывающие им содействие передачей разведывательных данных, документов и т.п. В их числе были К.Я. Золотарёв, Ф.Н. Захаров, С.В. Иванин, П.Ф. и С.Ф. Поповы, И.С. Фролов. Порой они не только сами помогали партизанам и подпольщикам, но и привлекали к этому своих близких. Так, у старосты с. Буковище Феодосия Никаноровича Захарова три сына (Фёдор, Иван и Павел) и дочь Полина (по словам М.С. Григорова, «женщина смелая и решительная») были связными между партизанами и подпольщиками.

Следует учитывать, что положение этих старост было очень непростым. При подозрении в нелояльности «новому порядку» и в связях с партизанами их могли арестовать, посадить в тюрьму, а, если подозрения подтверждались, то и расстрелять с конфискацией имущества и репрессивными мерами к семье. С другой стороны, старосты, будучи служителями оккупационных властей, не пользовались чаще всего уважением своих односельчан, для многих они были просто предателями. Да и получить пулю от партизан (по неведению – ведь об истинном «лице» советски настроенных старост знали считанные единицы) было вполне возможно.

В самом Севске ближайшими помощниками М.С. Григорова стали члены семьи Ломоносовых: мать Евдокия Георгиевна, рано

овдовевшая, её 24-летняя дочь Валентина Фёдоровна, муж которой погиб в начале войны, а также 26-летний сын Владимир Фёдорович и его жена Антонина Егоровна. Активными участниками подполья были Вера Ивановна Шкурова, работавшая учительницей, ветеринарный фельдшер Иван Денисов (из военнопленных), священник Александр Дмитриевский, служивший в Варваринской кладбищенской церкви и бывший по словам М.С. Григорова, «истинным патриотом земли русской», семья Соловьёвых и ряд других.

В октябре 1942 года севская подпольная группа насчитывала уже около 40 человек. В её составе были учителя, медицинские работники, люди других профессий, некоторые полицейские и сотрудники оккупационных учреждений, люди разных возрастов, уровня образования, но оставшиеся и в условиях оккупации патриотами советской Родины.

15 октября в Марицком Хуторе было проведено собрание основной части подпольной группы, получившей название «За Советскую Родину». Более 30 человек в обстановке патриотического подъёма приняли клятву, текст которой зачитал П.Я. Волков. Конечно, проведение такого собрания, явно нарушавшего все правила конспиративной деятельности, было свидетельством неопытности руководителя группы, о чём ему позже строго «выговорил» майор В.А. Засухин. Но, к счастью, среди участников собрания «доносчиков» не оказалось.

Хотя срок деятельности севских подпольщиков был не очень продолжительным (до конца февраля 1943 года), но и за это время они успели сделать многое. На счету группы были «десятки диверсионных актов, множество ценных сведений, дерзкие операции по срыву снабжения германских войск и по вызволению советских людей, попавших в плен, систематическая информация населения путём распространения листовок о действительном положении на фронтах и многое другое».

Из операций, проведённых севскими подпольщиками, обратим внимание на две. В октябре 1942 года оккупационные власти решили провести конференцию учителей Севска и Севского уезда. Они понимали, что учителя и в городе, и в сёлах являются уважаемыми людьми, к голосу которых прислушиваются не только школьники, но и их родители. Конференция должна была показать, что власти Локотского автономного округа, к которому в это время относился и Севск, уделяют большое внимание школьному делу, а, главное, убедить севское учительство в необходимости активно

поддерживать «новый порядок». На конференцию, собравшуюся в Доме культуры, прибыли бургомистр Блаженский, его заместитель Квитковский, начальник полиции Чиков и другие представители местной власти, а также немецкий полковник-комендант города. После длинного доклада Квитковского, выступлений других местных чиновников взял слово немецкий полковник, пытавшийся убедить присутствующих в миролюбивых устремлениях германского правительства, но закончивший речь прямой угрозой, что, кто не будет выполнять распоряжений действующей власти, «будет повешен или расстрелян».

Затем был объявлен перерыв, во время которого присутствующие могли приобрести талоны и пообедать. Зал опустел, и в это время, действуя по сигналу М.С. Григорова, находившиеся на конференции В.Ф. Ломоносова, В.И. Шкурова, Г.М. Пономарёв, Ф.Н. Захаров быстро разнесли по рядам листовки, поступившие из партизанского отряда, а на стол президиума положили специально подготовленные письма, адресованные севским пособникам гитлеровцев. Вернувшись после перерыва, устроители конференции, естественно, увидели письма и быстро спрятали их, но открыто объявлять о листовках и сразу предпринимать какие-то меры не решились, ограничившись призывом «всячески помогать местной администрации в поимке советских агентов», которые «распространяют запрещённую литературу и мешают организации нового порядка».

Вторая операция была по-своему уникальной. В конце 1942 года подпольщикам стало известно, что в севском военном госпитале, где лечились раненые немецкие и венгерские военнослужащие, а также раненые полицейские, появился новый врач из числа военнопленных, по национальности – еврей. Поскольку нацисты истребляли евреев, появление этого человека было непонятным. Выйти на контакт с новым врачом сумели члены семьи Ломоносовых. Как им удалось узнать, Михаил Юрьевич Шпирт (так звали врача) перед войной жил и работал в Москве, защитил диссертацию и стал кандидатом медицинских наук, с началом войны ушёл в армию, попал в плен, а в Севск доставлен под присмотром офицера-эсесовца для лечения гитлеровского полковника, тяжело раненого партизанами. Постепенно режим контроля за М.Ю. Шпиртом стал менее жестким, он смог покидать территорию госпиталя, что и позволило подпольщикам установить с ним связь.

Понимая, что, когда немцы перестанут остро нуждаться в его знаниях и хирургическом мастерстве, жизнь его будет висеть на волоске, М.Ю. Шпирт попросил переправить его в лес, к партизанам. Ему пообещали это сделать, но первоначально попросили помочь партизанам в медикаментах и перевязочных средствах, что он несколько раз сумел сделать, но затем стал настаивать на отправке в лес. Первая попытка оказалась неудачной, и врача пришлось из Марицкого Хутора возвращать в Севск. На следующий день операцию повторили. М.Ю. Шпирт пошёл (якобы к больному) в сторону Пушкарной слободы, его догнали ехавшие на санях трое членов подпольной группы (два старосты и полицейский), положили врача в большую плетёную корзину, забросали сверху разным тряпьем и привезли в Марицкий Хутор. Здесь его уже ожидали партизаны, в ту же ночь доставившие М.Ю. Шпирта в лес, где он начал помогать раненым. За отличное мастерство хирурга партизаны звали его профессором. Позже его переправили в Москву, где он продолжал трудиться вплоть до выхода на пенсию.

Севские оккупационные власти, конечно же, пытались, найти деятельных противников «нового порядка», однако подпольщикам длительное время удавалось избегать каких-либо провалов. Выйти на след подпольщиков помогли их собственные действия – точнее, попытка уничтожить командира 4-го полка РОНА майора А. Рейтенбаха, успевшего получить известность своим беспощадным отношением к партизанам и их помощникам. В.Ф. Ломоносова познакомилась и постаралась подружиться с хозяйкой дома, где квартировал А.Рейтенбах. Это позволило ей тайком принести в спальню майора мину с часовым устройством. Взрыв прогремел в 12 часов ночи, но задержавшийся А.Рейтенбах не пострадал. В ночь на 18 февраля 1943 года немецкие солдаты и полицейские, возглавляемые следователем Ревенко, ворвались в дом, где жили Ломоносовы. Оказалось, кроме того, что накануне была задержана связная от партизан, приносившая мины Валентине Ломоносовой. Вероятно, ей пообещали сохранить жизнь при условии выдачи тех, с кем она поддерживала связь в Севске. Все Ломоносовы (Валентина, Владимир, его жена Антонина, а также Евдокия Георгиевна) были арестованы и перевезены в полицию.

Начался допрос, но Валентина категорически отметала все предъявляемые ей обвинения. Здесь же на глазах родных её начали избивать и били до тех пор, пока она не потеряла сознание. Затем

Евдокию Георгиевну и Антонину отвели к другим арестованным женщинам, Владимира – в мужскую камеру. После этого родные с Валентиной больше не встречались. Избиения, пытки и издевательства над Валентиной продолжались и в последующие дни, но арестованная стойко переносила все мучения, не выдав никого из своих товарищей. Через допросы с применением избиений и пыток прошли и остальные члены семьи Ломоносовых, особенно Владимир, но никто из них не дал каких-то признательных показаний. Фашистским пособникам удалось задержать ещё одну партизанскую связную – Александру Юрову, которую доставили в полицию вместе с грудным ребёнком. Затем Евдокию Георгиевну и Антонину Ломоносовых перевели в здание тюрьмы, находившееся на берегу реки Сев близ школы №1, а Валентин и Владимир Ломоносовы, Александра Юрова и ещё несколько арестованных оставлены в здании полиции. 28 февраля Ломоносовым сообщили, что следствие закончено и что все они приговорены к смертной казни. Валентину и Владимира должны были повесить, Евдокию Георгиевну и Антонину – расстрелять.

Вечером того же дня узники слышали гул артиллерийской канонады, а 1 марта в Севск ворвались советские войска, которые вместе с партизанами стали очищать город от фашистов и их пособников. Были освобождены арестованные, находившиеся в севской тюрьме, подготовленной оккупантами к взрыву. Однако ещё одно чёрное дело недобитые фашисты успели совершить – они ворвались в камеру, где находились Валентина Ломоносова, Александра Юрова с младенцем и несколько других приговорённых к смерти женщин, начали в упор их расстреливать из автоматов, потом плеснули бензином и подожгли. Совершить такое же злодеяние в мужской камере им было уже некогда, и подбежавшие к горящему дому полиции советские солдаты успели вытащить и спасти Владимира Ломоносова, всего избитого и едва держащегося на ногах.

К сожалению, лишь Валентина Фёдоровна Ломоносова была посмертно награждена орденом Красной Звезды, а мужественная борьба других севских подпольщиков осталась почти не замеченной. Вспоминая о них, М.С. Григоров писал: «Ежедневно и ежедневно рискуя жизнью, забывая о еде и отдыхе, севские подпольщики стремились образцово выполнять каждое задание командования... Скромные, малозаметные люди, они не любят распространяться о своих делах в годы великой Отечественной войны, считая

их нормой поведения советского человека, его патриотическим долгом. Между тем, эти героические дела заслуживают того, чтобы они были восстановлены во всей полноте».

Сейчас, когда ни руководителя севского подполья, ни его товарищей по борьбе нет в живых, высказанное М.С. Григоровым пожелание выполнить уже невозможно, но продолжать поиск надо, поскольку не исключена вероятность найти какие-то новые сведения о севских подпольщиках в архивах органов ФСБ в Брянске и Орле.

Это нужно и для устранения некоторых противоречий, которые встречаются даже в немногочисленных опубликованных материалах. Так, в девятом томе «Книги памяти», изданной в Брянске, в числе погибших уроженцев Севска упомянута Валентина Фёдоровна Ломоносова, но она почему-то названа пропавшей без вести 1 марта 1943 года. Пропавшей без вести в марте того же года указана и партизанка Антонина Фёдоровна Юркова (в действительности А.Ф. Юрова, как было указано, погибла 1 марта; она и её отец, Фёдор Васильевич Юров, оба из Марицкого Хутора, были связными между подпольщиками и партизанами). В числе погибших тогда же упомянута подпольщица Антонина Денисовна Пазина из с. Марицкий Хутор (о ней писала В.А. Теличко). Среди пропавших без вести названа и подпольщица Антонина Антоновна Комарова, но почему-то 1.VI.1943 года (скорее всего, в документе эта дата была написана нечётко, а должно быть – 1.III.; ведь в июне 1943 года в Севске подпольной организации уже не существовало). Вероятнее всего, все эти женщины-патриотки погибли 1 марта 1943 года в подожжённом здании севской полиции, как об этом писал М.С. Григоров.

Кроме того, в «Книге памяти» названы севская подпольщица Антонина Григорьевна Кочукова, как погибшая в бою 1 марта 1943 года, и подпольщик Павел Никитович Захаров, 1924 года рождения, также погибший в бою и похороненный в Марицком Хуторе. Следует упомянуть также, что, помимо погибшей А.Д. Пазиной, в число подпольщиков входили её отец, Денис Егорович Пазин, и сёстры Антонина, Наталья и Нина (все из Марицкого Хутора).

Словом, в истории севской подпольной организации (а она, по сведениям М.С. Григорова, насчитывала около 100 человек, включая и тех, кто не входя в неё формально, оказывал ей содействие) ещё многое остаётся не до конца ясным. Несомненно одно – ни должной оценки, ни должной памяти она, к сожалению, не получила.